

A dark, atmospheric photograph of a dilapidated wooden house. The house has a steep gable roof and a central window with a broken, shattered pane. The wooden siding is peeling and weathered. A small dormer window is visible on the roof. The house is surrounded by overgrown vegetation, including ivy climbing the walls and a pond in the foreground with lily pads. The scene is misty and somber.

Наталья Зими́на

Дом с лишним окном

Наталья Зими́на

Дом с лишним окном

<https://litres.ru/74675467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Ася хоронила мать в душном посёлке Ключи, она даже не подозревала, что унаследовала не только старый дом над прудом, но и чужую, тщательно заколоченную жизнь.

Двадцать пять лет назад здесь утонула её сестра Ира. Тело так и не нашли, в гроб положили икону, а имя сестры в доме запретили произносить. Теперь Ася — взрослый иллюстратор из Петербурга — приезжает в опустевшее гнездо и замечает странность: снаружи в доме пять окон, а внутри — четыре. Пятое, крайнее, заложено досками и заклеено обоями. За ним — детская комната, которую кто-то очень старался забыть.

В сундуке под кроватью Ася находит письмо матери с приказом: «Не открывай комнату за шкафом. Просто уезжай». А на следующий день под дверь подкидывают записку, написанную чужим, злым почерком: «УЕЗЖАЙ, ПОКА ЦЕЛА».

Теперь Асе предстоит распутать клубок двадцатипятилетней давности, в котором сплелись ложные показания соседей, страх, чужие грехи и двенадцать тетрадей, спрятанных под кроватью. И узнать главное.

Наталья Зими́на

Дом с лишним окном

ГЛАВА 1. НАСЛЕДСТВО

Маму хоронили в третий день жары — неправильно, будто в природе случилась опечатка. Посёлок Ключи стоял над прудом, вибрировал от комаров и смотрел на Асю сотней окон: кто сочувственно, кто голодно, по-провинциальному прямо.

— Прости нас, мать, — сказала тётя Марго и перекрестилась низко, по-старушечьи, хотя ей было пятьдесят шесть.

За гробом стояли человек десять: женщины в платках, которых Ася не помнила, а они помнили её — и Иру. Ася вслушивалась в лица: не всплывёт ли кто из детства. Не всплывало.

— Ты на мать похожа, — сказала одна, в платке. — А Ирка-то твоя, царствие небесное, на отца пошла.

Иру Ася хоронила двадцать пять лет назад, в девять лет, заочно: тело не нашли, в гроб клали икону. С тех пор о сестре в доме не говорили. Если бы не детские фотографии, Ася бы усомнилась, что их было двое.

После поминок тётя Марго вручила ей конверт с ключами.

— Дом твой. Мать завещала. Я бы на твоём месте продала его, Асечка, поскорей. Покупатели найдутся. А ты в своей Питере и живи.

— А ты?

— А мне что. У меня своя квартира в районе, — тётя Марго смотрела мимо. Так смотрят люди, которые не договорили главного и рады, что не договорили.

К дому Ася не пошла сразу. Ноги сами повернули к пруду — по выгону, через нескошенную траву, мимо старой ивы, которая помнила их обоих. Пруд лежал тихий, нагретый с краёв, зелёный в середине — как всегда, как двадцать пять лет назад. «Твоя вода — моя вода», — делили они его с Ирой: Ире — где глубоко и где можно орать, Асе — где камыши и где можно сидеть с книгой. Пруд не отдал Иру — и Ася, девятилетняя, всю жизнь злилась на него за это молчание.

Она присела на корточки у самой воды. Вода пахла тиной и детством — тем самым запахом, который не воспроизводит ни один парфюм, потому что его нельзя заработать. Только потерять. «Вот и всё, — сказала она воде. — Маму похоронили. Дом теперь мой. Говорят, в нём есть что-то, что нельзя открывать». Вода не ответила. Она умела молчать лучше всех в их семье.

ГЛАВА 2. ЛИШНЕЕ ОКНО

Дом стоял на отшибе, над самым прудом — тот, где утонула Ира. Пять окон по фасаду, четыре — по дворовой стороне, сирень до крыши, распахнутое настежь лето.

Ася обошла дом вокруг, пересчитывая окна, — профес-

сиональная привычка иллюстратора: она двадцать лет зарабатывала тем, что замечала нестыковки в чужих рисунках. Снаружи окон было пять со стороны сада. Внутри, в садовой комнате, — четыре.

Пятое окно, крайнее, изнутри не существовало. Просто стена, оклеенная обоями в мелкий георгины, и на стене — шкаф. Старый, отцовский, с треснувшим зеркалом.

Ася приложила ладонь к обоям. За обоями что-то было: то ли сквозняк, то ли пустота. Окно заколотили и заклеили — давно: обои на этом месте выцвели иначе, георгины там были не сиреневые, а почти белые.

Снаружи в стекло было вставлена фотография. Изнутри. Так делают с окнами умерших домов: зеркало наружу, фотографию — внутрь. На фотографии была девочка. Не Ася.

У Аси похолодели руки. Она умела рисовать лица — и умела их читать. Девочка на фотографии была она сама. И не она. Тот же овал, те же брови вразлёт. Но чёлка — косая, Ирина. И смеялась девочка левой щекой, одними уголком губ — Ася смеялась всей ряшкой, всегда, всю жизнь.

Ира. Фотография Иры — двадцатипятилетней давности? Нет. Девочке на фото было лет восемнадцать.

Ася стояла в чужой комнате, в чужом доме, в чужом в чужом вдруг наступившем мире. Солнце шло к вечеру, георгины на обоях белели, и за обоями, за заколоченным окном, стояла комната, которой не было.

ГЛАВА 3. ПИСЬМО

Мамин сундук нашёлся под кроватью — жестяной, с ромашками, помнивший, кажется, ещё приданое. Внутри: документы, фотографии, связка писем без адресатов и один конверт с надписью фломастером: «Асе. Когда меня не станет».

Ася села на пол прямо там, где стояла, — колени не справились.

«Асечка. Я умерла, а ты в доме. Уходи из него поскорее. Продай и не приезжай больше. Не открывай комнату за шкафом. Не надо, дочка. Просто уезжай. Не ищи. Мама».

Не ищи — чего?

Ася перечитала трижды. Иллюстраторский мозг — проклятие: он достраивает картинку раньше, чем её разрешают увидеть. «Комната за шкафом». «Не ищи» — значит, есть что искать? Мать двадцать пять лет молчала о том утре, когда Ира ушла к пруду. Молчала так, что в доме нельзя было произносить слово «сестра».

За окном стемнело. Ася сидела на полу, держала конверт и слушала, как дом дышит: скрипы, урчание труб, шаги в саду... Шаги.

Она замерла. Шаги прошли по дорожке, остановились у крыльца. Долго стояли. Потом под дверь что-то просунули — и шаги ушли, торопливо, почти бегом.

На пожелтевшей половине лежала записка. Крупные буквы, фломастер, как в маминном конверте — только рука другая, чужая и злая:

«УЕЗЖАЙ, ПОКА ЦЕЛА».

ГЛАВА 4. ЗА ШКАФОМ

Утром Ася отменила все питерские дедлайны, сославшись на «семейные обстоятельства», — заказчик охнул и отпустил на месяц. Записку «уезжай, пока целая» она сфотографировала, положила в мамин конверт и принялась за шкаф.

Шкаф был тяжел, как грех. Ася подкладывала деревяшки, тянула, ругалась шёпотом — и в одиннадцать утра стена открылась: за шкафом оказался дверной проём, забитый досками крест-накрест, аккуратно, столярно, с любовью забитый — так заколачивают не от воров, а от себя.

Доски поддались топором, найденным в сарае. За ними стояла темнота и пахло ладаном, яблоками и прошлым.

Комната была маленькая, однооконная — то самое, лишнее. Свет сквозь фотографию в стекле падал жёлтый, домашний. Детская кровать под ситцевым покрывалом. Полка с книгами. Коробка с игрушками. Всё — Ирино: Ася узнала зайца с одним ухом по фотографии из семейного альбома, единственной, где они были вдвоём.

А на кровати, поверх покрывала, лежал портрет — акварельный, неумелый и нежный: девочка с косой чёлкой смеялась одними уголком губ. И записка внизу, другим почерком, молодым: «Мама, я была. Прости меня. И.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.